

Елена Маркасова

Интеллектуальная история и лингвистический поворот

DOI: 10.53953/08696365_2023_183_5_353

«Культура Духа» vs «Культура Разума»: Интеллектуалы и власть в Британии и России в XVII—XVIII веках / Под ред. Л.П. Репиной.

М.: Аквилон, 2022. — 1080 с. — 500 экз.

Междисциплинарность исследований, имеющих институциональную привязку к конкретным областям знаний, стала лозунгом гуманитарных наук в последние тридцать лет, и этот контекст заставляет размышлять о принципах применения и недостатках различных методов, об их обусловленности целью конкретного исследования.

Современные гуманитарные науки все чаще обращаются к анализу языка изложения, осознавая его роль в нарративизации исторического знания¹. Это и отражение, и проявление антропологического/дискурсивного/лингвистического поворота, который провоцирует исследователя выходить за пределы своей дисциплины. Создание единого исследовательского поля из гуманитарных направлений, долгое время развивавшихся обособленно, требует от ученых и незаурядной эрудиции, и умения видеть и сочетать гетерогенную информацию.

Рецензируемая монография, созданная коллективом из тридцати авторов, состоит из одиннадцати глав, снабжена именным и географическим указателями, иллюстрациями и обширной библиографией, которая имеет самостоятельную ценность. В предисловии говорится о трех тематических блоках: «имперский дискурс и тесно связанное с ним развитие научной систематики» (главы II—V), дискурс «нового политического порядка» (главы VI—X) и дискурс «формирования новых морально-этических ценностей» (глава XI).

Монография привлекает внимание самим заглавием, отражающим масштабность замысла и включенность в широкий контекст исторической компаративистики и интеллектуальной истории. Поставленная авторами задача — анализ когнитивно-риторических стратегий британских и российских интеллектуалов в период формирования культурной, национальной, имперской идентичности в Великобритании и России в XVII и XVIII вв. — заслуживает серьезного внимания.

1 Об этом см., например: *Лубский А.* Лингвистический поворот в историческом познании // *Теория и методология исторической науки: терминологический словарь* / Отв. ред. А.О. Чубарьян. М., 2014. С. 245—246; *Гурьянова А.В.* Феномен «лингвистического поворота» в постмодернистской историографии // *Философия. Наука. Культура*. М., 2006. Вып. 4. С. 110—115; *Копосов Н.Е.* Как думают историки. М., 2001. С. 284—294; *Трубникова Н.В.* «Лингвистический поворот» и историческое исследование: определения и дискуссии (1980-е — начало 1990-х гг.) // *Грамота*. 2011. № 8. С. 59—61.

Процесс распространения и утверждения рационалистического взгляда Нового времени выражался в обновлении языка, появлении новых терминов и понятий. На основе изучения семантических пар (например, «patriotism» — «любовь к отечеству») авторы создают панораму проявлений «общего/универсального в интеллектуальном дискурсе двух культур» (с. 946), показывая тенденции изменений в «балансе сил». «Мыслетворчество» становится «особой формой деятельности для расширяющегося круга людей, непосредственно или опосредованно вовлеченных в обсуждение обширной “повестки” эпохи перемен», поэтому особое внимание уделяется «механизмам утверждения, взаимодействия и конкуренции различных идейных позиций и политических программ, а также стратегиям и тактикам интеллектуалов разного социального и образовательного статуса <...> в борьбе за утверждение авторитета их идей в обществе и за влияние на принятие властных решений» (с. 7).

Первая глава («Два хронотопа. Введение в контекст»), написанная В.В. Высоковой, Д.А. Рединым, Л.С. Соболевой, Г.В. Шпаком, по сути является вводной. В ней дана общая характеристика имперского развития Британии и России XVII—XVIII вв. и отмечены различия, влиявшие на имперский дискурс. Например, в истории Британии экспансия власти происходила в основном за счет территорий «за морями», а в истории России — за счет материковых пространств, прилегающих к историческому «центру». Это сказывалось на формировании властных структур на местах и типе отношений между империями и колониями. Общие тенденции в истории двух государств стали основанием для сравнительного анализа дискурсивных практик «эпохи перемен».

В главе второй («Покорение пространства: границы и репрезентации»), написанной Г.В. Шпаком, картографическая революция, начавшаяся еще в XV в., показана как часть нового когнитивного дискурса. Язык карт становился инструментом управления, средством заявить о социальном статусе и идентичности владельцев территорий. В XVI в. освоение пространства определяют два направления: экстенсивное — внешняя экспансия и интенсивное — изучение образа собственного государства (с. 71).

Особую роль в осознании своего и чужого пространства играли травелоги, а язык описания пространства требовал от научного сообщества междисциплинарности: для совершенствования карт требовались описания природы, климата, населения, флоры и фауны открываемых земель. Происходит обмен терминологией между разными науками, интенсифицируется поиск средств передачи визуальных образов пространства, что заставляет включаться в картографирование художников и иконописцев.

В России элементы географической революции проявляются позже, в XVII—XVIII вв. В допетровскую эпоху российские «чертежи» и планы часто имели символическую составляющую. В главе собраны уникальные сведения о составителях карт и законах, регулирующих их создание в России. Картографирование стало делом государственной важности лишь при Петре I. Нетривиален вывод, что визуализация пространства с помощью картографирования формировала образ страны как целостного государства, «высвечивая наилучшие возможности для управления» (с. 85).

В третьей главе («Научная систематика как властный дискурс») Г.В. Шпак и Ю.С. Шипицына описывают период слома прежней эпистемологии в XVI—XVII вв. В науке произошел переход от ориентации на античные и религиозные авторитеты к новой парадигме — познанию, основанному на эксперименте при активном включении властного дискурса, диктующего науке направление развития. «Научная революция может рассматриваться с позиций институциональных транс-

формаций, экономических и социальных практик, средств коммуникаций или мыслительных стратегий» (с. 98).

В эту главу включена информация о вкладе в российскую ботанику и судьбе немецких ученых, приглашенных в Россию Екатериной II, о роли промышленников Демидовых в развитии ботаники на Урале, о способах популяризации научного знания. Автор выражает несогласие с мнением Г.Д. Миллера о приоритете России в рождении этнографии (с. 162—163, 175), указывая на «размытость дисциплинарного поля народоведения». Однако вряд ли это может считаться аргументом, поскольку этнография и в наши дни характеризуется «размытостью дисциплинарного поля», что не означает ее несостоятельности.

Интересны, но спорны замечания автора о «страхе власти перед открывающимся миром нового знания» (с. 158) и о ее опасениях по поводу «излишней осведомленности подданных» (с. 159). Рост бюрократизации в отношениях между империями и научными сообществами рассматривается как проявление интенции властей «контролировать объем новых сведений» (с. 176). В этом выводе видится вчитывание особенностей современного дискурса в прошлое. Чтобы понять мотивы поведения власти (контроль, непонимание научной задачи, халатность и пр.), необходимо исследовать конкретные случаи в количестве, дающем основания для такого заключения. Например, историю игнорирования властью изобретений монорельса (в России — многократных, с 1820 г.) вряд ли можно объяснить «страхом» или желанием контролировать это изобретение, выгодное и с экономической, и с военно-стратегической точек зрения.

Четвертая глава («Актеры империи»; авторы В.В. Высокова, Л.П. Репина, А.И. Попович, А.М. Сафронова, М.А. Киселев) посвящена различным аспектам формирования британской и российской идентичности. В.В. Высокова пишет о том, какую роль сыграл в становлении британского империализма пуританский дискурс, расцвет которого «как новой духовной идеологии в Англии XVII в. можно интерпретировать как национальную интеллектуальную революцию <...>» (с. 187). Следствием этой революции стало складывание «нового типа коллективности и социальной структуры английского общества, основанной на индивидуальных отношениях с Богом» (с. 193). В таком ключе интерпретируются мотивы поведения героев эпохи (тип Робинзона Крузо), проясняются мировоззренческие основы «политической арифметики» и «политической анатомии».

Интеллектуалы, используя научный подход и научную метафорику, обосновывают экономические, демографические и политические проекты, нацеленные на решение прагматических задач (рост народонаселения, решение социальных проблем, получение экономической выгоды). При сопоставлении «Трактата о численности человечества в древние и новые времена» шотландского ученого Р. Уоллеса и текста «О размножении и сохранении российского народа» М.В. Ломоносова обнаруживается сходство методов и уровня обобщений ученых, что заставляет с большим уважением отнестись к этому этапу существования демографии как науки (автор Л.П. Репина).

В выборе фигур, оказавших влияние на развитие регионов и государства, и в интерпретации их деятельности нет хрестоматийности. В качестве акторов выступают митрополит Иоанн Тобольский в духовной сфере, Г.Д. Строганов в сфере коммерции и промышленности, В.Н. Татищев в сфере организации образования и промышленности, Г.Н. Теплов в сфере науки и философии. Это обновление персоналий отражает роль регионов в развитии России и роль личности в создании новых образцов для подражания «строителям империи». С одной стороны, это примеры конструирования собственной биографии в русле избранной парадигмы служения государству, с другой — это взгляд на основные тенденции в целом

в связи с политикой государства и особенностями организации духовной сферы. Переплетение дискурса власти и дискурса отдельной личности способствует созданию социальных групп, объединенных общими интенциями.

Глава пятая («Дискурсы имперской идентичности») посвящена проблеме влияния интеллектуалов на формирование образа прошлого в связи со становлением национальных и государственных идентичностей. Эти изыскания немаловажны на фоне сложных взаимоотношений между частями империй и современных споров о процессах колонизации.

Смелое сопоставление истории англо-шотландской интеграции с историей интеграции Украины (Малороссии) и России (авторы В.Ю. Апрыщенко и Т.А. Косых) построено на анализе позиций интеллектуалов. Взгляды «властителей дум», определявшиеся различиями их географических привязок и принадлежностью к конкретным частям национальных элит, обладали функциональной близостью. Прослеживание взаимосвязи между профессиональным историописанием и массовым сознанием показывает, как исторические образы адаптируются к нуждам каждого следующего этапа в жизни регионов и как важна роль интеллектуалов в создании образа национальной идентичности. Привлекает внимание материал о роли В. Скотта, позволяющий осмыслить исторический контекст популярности этого писателя в России.

Актуальны сведения Я.А. Лазарева, О.И. Журбы и Т.Ф. Литвиновой о взглядах российских интеллектуалов первой половины XVIII в. и элит Левобережной Украины второй половины XVIII — начала XIX вв. на проекты интеграции Украины и России. Авторы приходят к выводу, что Российская империя представляла собой «коалицию трех макрорегионов» (с. 372), а малороссийская элита, считая себя «одним из главных “акционеров” империи», настаивала на сохранении национальной идентичности (там же). Особенно интересны сведения о родственных и дружеских связях представителей интеллектуальных элит на внутрорегиональном и межрегиональном уровнях.

В шестой главе («Власть светская и власть духовная») рассматриваются иерархические отношения между светской и духовной властью, при этом выдерживается принцип параллельного повествования. «Британский» раздел посвящен королю Якову I Стюарту, а конкретнее, «восприятию королевской власти в качестве сакральной, патернализму и контрактуализму» (с. 376). Деятельность этой исторической фигуры характеризовалась в историографии амбивалентно, поэтому важны приведенные А.А. Паламарчук сведения о научных изданиях трудов Якова I и его парламентских выступлениях.

В «российских» разделах конфликт «священства и царства» и концепция «Москва — Третий Рим» интерпретируются в связи с появлением в России второй половины XVII в. концепции «византийского наследия». Эти идеи проанализированы И.А. Никулиным на материале сочинений владыки Игнатия (Римского-Корсакова), дискуссии на Большом Московском соборе, полемических сочинений Никона. Взгляды малороссийского духовенства отличались от взглядов великорусского епископата. Так, для Феофана Прокоповича, идеолога эпохи, «всяк законный государь в государстве своем есть воистину епископ епископов» (с. 403). Ориентация на секуляризацию привела к тому, что Петр стал опираться на выходцев из Киево-Могилянской академии. Именно позиция, а не «большая образованность» и «хитрость» стала основной причиной карьерного роста Феофана.

А.И. Попович включает полемику о старообрядческих «гарях» в историю «проникновения мученического дискурса в светские дела» (с. 412). Описания семантических сдвигов понятий, связанных с идеей жертвенности, важны для истории русской литературы.

С. Тейлор и В.В. Высокова освещают роль Б. Хоудли, епископа из местечка Бангор, богослова и политического теоретика, в споре об отношениях церкви и государства. Его проповеди анализируются в контексте истории «Акта о присяге» и Бангорианского спора об основах правления в Англии. После Бангорианской контроверзы вопросы веры «перемещаются в сферу частной жизни английского общества» (с. 40). Возникающие параллели между дискурсами десакрализации государства в Британии и России эксплицированы нечетко, что мешает понять место этого сюжета в структуре монографии.

В седьмой главе («Левиафан» и рождение регулярного государства») идеи британских мыслителей и богословов (Т. Гоббса и Т. Уайта) сопоставлены с высказываниями российских политиков (Андрея Курбского, Симеона Полоцкого и др.). Описана, на наш взгляд, самая интересная часть философско-политических размышлений Гоббса: обоснование его теории общественного договора, которая в марксистской парадигме подавалась в усеченном виде, без указания на безусловный до неоправданной жестокости (с. 435) примат государства над законом и безграничный этатизм. А.Б. Соколову удалось кратко и вместе с тем глубоко охарактеризовать «время седловины» (в терминологии немецкого историка Р. Козеллека) — долгий путь драматической идейно-политической борьбы, приведшей к рождению ряда современных политических понятий, центральным из которых стал «государственный интерес».

Раздел, посвященный ученому и богослову Т. Уайту, содержит информацию о его политико-философских работах, отрицающих божественное происхождение власти. Внимание к ним угасло после опубликования Уайтом (за четыре года до официального введения в стране протестантского исповедания!) памфлета «Основы подчинения» (1655), в котором содержалась аргументация в пользу религиозной толерантности к католицизму. А.Ю. Серегина напоминает о незаслуженно забытых достижениях Уайта-ученого и предлагает читателю прочтение памфлета, которое формирует новый взгляд на роль Т. Уайта в становлении концепции государства в Англии.

При переходе от рассуждений Гоббса и Уайта к полемике Курбского с Иваном Грозным бросается в глаза иной тип аргументации, нежели у английских интеллектуалов XVI в., хотя в обоих случаях рассматривается богоизбранность царя и законность противодействия правителю-тирану. Если в Англии обсуждение актуальных тем идет в плоскости фрейма власти правителя и легитимации рамок договора суверена с подданными, то в полемике князя и царя эти вопросы только затрагиваются. Полемика концентрируется на обсуждении совести, нравственных качеств христианина применительно к поведению и поступкам царя. А.И. Попович обращает особое внимание на публицистическое воплощение в посланиях идей жертвы и жертвенности в связи с антитезой внутренних убеждений и внешней преданности, смирения, героической смерти за отечество и мученической смерти. Факт многократного переписывания «Истории о великом князе Московском» Андрея Курбского в XVII—XVIII вв. доказывает, что интеллектуалы, обсуждая личные достоинства правителя, «все чаще ставили вопрос о собственном выборе и гражданской позиции» (с. 499—501). В описании идеи жертвенности, освещаемой в предыдущей главе, обозначена связь между православием, политическим мышлением и правом подчиненного на сопротивление. Было бы логично эксплицировать связь этих двух разделов и обозначить причины недостаточного внимания к другим лицам, также признававшим право на сопротивление тирании (Иосиф Волоцкий, Иван Пересветов, Стефан Яворский).

Тема сакральности власти Московского царства выявляется в барочных текстах Симеона Полоцкого. Хотя творчество Симеона Полоцкого детально описано лите-

ратуроведами, М.С. Киселевой удалось найти новый ракурс рассмотрения его текстов и биографии путем включения их в историю царского двора и — шире — в историю внешней и внутренней политики Алексея Михайловича, борьбы светской и духовной власти. Сакральность власти была описана в новых образах, привычных для европейского барокко, но прежде незнакомых молодому царю. Интересно охарактеризована роль Симеона Полоцкого в «оживлении слова в светском пространстве» через обращение к библейским сюжетам, связанным с властными отношениями (с. 530).

Описывая «регулярное государство» Петра Великого, Д.А. Редин показывает, что сочетание гуманитарной, естественно-научной, технической составляющих системы взглядов Петра привело его к отказу от созидания «священного царства» в пользу государства «всеобщего блага». Петровские законодательные акты 1718—1724 гг. рассматриваются как единый нарратив, свидетельствующий об иерархии реформ, проводимых в духе камерализма, и об их взаимодополняющем характере. Реформы требовали участия интеллектуалов, и «ментальное государство» «сумело интегрировать вокруг себя российские элиты на доброе столетие вперед» (с. 556).

Сомнительно утверждение, что до середины 1710-х гг. «царь и не ставил целью реформирование системы управления». Это противоречит фактам: 10 декабря 1711 г. царь издал регламент и учредил Кригс-комиссариат. Слишком однозначна оценка усвоения Петром западных наименований как «простой подражательности, экземплификации, выполнявшей роль своеобразной культурной “мимикрии”, смысл которой сводился к тому, чтобы быть “как в других странах”» (с. 545). Появление заимствований такого рода имело много причин, комментируемых лингвистами² и объясняемых, например, В.А. Томсиновым³.

На наш взгляд, излишне публицистично интерпретируется состав библиотеки Петра I. Автор подчеркивает, что это было «рабочее книжное собрание», но вместе с тем придает особое значение отсутствию в нем сочинений Гоббса и Гроция (с. 535, 541). При отсутствии верифицируемой информации о том, какой была библиотека при Петре, невозможно считать отсутствие в ней чего-либо свидетельством взглядов ее владельца.

В восьмой главе («Сон разума рождает...») сопоставлены пенитенциарные системы двух стран. Финансовые аферы в Британии на рубеже XVII и XVIII вв. связываются с политикой меркантилизма, высокой концентрацией капиталов в стране, местом Англии «в цепи международной посреднической торговли и новыми финансовыми инструментами» (с. 265). В центре внимания В.В. Высоковой история Компании Южных морей и влияние финансистов на политическую конъюнктуру. В тексте показано несоответствие стереотипов оценки «кровяного кодекса» Британии (1688—1815) его практическому применению. С.А. Васильева и И.М. Эрлихсон знакомят читателей с малоизвестным в России «Руководством...» М. Далтона, в котором систематизированы сведения о возможных видах преступлений, и приводят доказательства постепенной гуманизации правовой системы Британии.

Борьба с организованной преступностью в петровскую эпоху (Д.А. Редин) и «пенитенциарный поворот» Екатерины II (С.А. Васильева, О.А. Тарасов) описаны в контексте истории уголовных преступлений в России. Некоторые архивные мате-

2 См.: Биржакова Е.Э., Войнова Л.А., Кутина Л.Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Л., 1972; Sherwood P.M. German Loanwords in Russian, 1700—1725: PhD Thesis. Manchester, 1969; Гребінник Л.В. Німецькі запозичення у російській мові. Київ, 2007; и др.

3 Законодательство Петра I. 1696—1725 годы / Сост., автор предисл. и вступ. ст. В.А. Томсинов. М., 2014. С. XVIII—XLVII.

риалы и прежде использовались историками, поэтому расхождения в интерпретации документов могли бы быть интересны читателю. Например, история Савватия Вахрушенка, произошедшая «в Самаровской волости Петербургской губернии»⁴, уже была описана Е.В. Анисимовым⁵ как проявление недовольства усилением гнета. Д.А. Редин же описывает эти события, произошедшие в «Чамеровской волости Ярославской провинции», как проявление бандитизма, хотя речь идет об одном и том же (с. 596)⁶. У читателя возникает ложное ощущение, что данные использованы впервые и не имеют альтернативной интерпретации.

Чрезвычайно интересно описание заимствований англо-американских систем наказания в европейских странах и в России. На основе анализа «Устава о тюрьмах» (1787) показано значение деятельности Екатерины II в этой сфере, когда исполнение наказаний стало иметь «не столько карательные, сколько исправительные цели» (с. 630).

В главе девятой («Общее благо и идея гражданственности») представлена картина интеллектуального поиска путей соединения «блага», образа жизни (личной и публичной) и интересов государства. М. Бинни и Ю.С. Шипицына дают содержательный очерк истории слова и понятия «республика» в английском языке. Английский вариант понятия «республика» (*commonwealth*) обозначал «политическую практику, которая имеет отношение к “общему благу”» (с. 633). На основе сопоставления «Краткой истории Московии» Дж. Мильтона и «О русской республике» Дж. Флетчера показано различное понимание «общего блага» этими авторами. Именно Милтон создал образ России, который использовали впоследствии публицисты (с. 656).

Рассматривая целеполагания английского общества XVII в., А.В. Стогова описывает обоснование интеллектуалами целесообразности активной деятельности и отстраненной созерцательности. Название этого раздела выглядит несколько искусственно, поскольку понятия «*vita activa*» и «*vita contemplativa*» в первую очередь связаны с богословием, христианством и античным наследием⁷, автор же сосредоточен на практиках раннего Нового времени.

М.А. Киселев характеризует «Гражданство» Симеона Полоцкого в контексте формирования концепции легализма. Анализ параллелей между «Гражданством» и «Пиром семи мудрецов» Плутарха выглядит вполне убедительно. Однако излишне категоричные суждения общего характера снижают ценность авторских размышлений. Пример тому — утверждение, что Симеон Полоцкий не знал греческого языка. Мера (не)знания языка кем-либо всегда субъективна, а что касается Симеона, то вопрос, насколько он знал греческий, изучается до сих пор⁸. Рассужде-

4 По челобитью Чамеровских волостей выборных мирских людей Савы и Федора Ивановых о неправедности с них за пустые деревни и дворы государевых податей // Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем сенате в царствование Петра Великого / Под ред. Н.Ф. Дубровина. СПб., 1892. Т. 5. С. 437.

5 Анисимов Е.В. Петр Великий: личность и реформы. СПб., 2008. С. 96.

6 Правильно: «Чамеровская волость Петербургской губернии». Деление на провинции было введено в 1719 г., то есть после описываемых событий.

7 См.: Арндт Х. *Vita activa*, или о деятельной жизни (1958) / Пер. с нем. и англ. В.В. Бибикина; под ред. Д.М. Носова. СПб., 2000; Биркин М.Ю. Представления о деятельной и созерцательной жизни: от Платона к христианской патристике // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2016. № 11 (20). С. 38–46; Он же. От гражданина к священнику: *vita activa et contemplativa* от Августина Блаженного до Исихора Севильского // Вестник древней истории. 2017. № 1 (77). С. 126–139.

8 См.: Преображенская А.А. Авторские изменения в библейском тексте: цитаты в проповедях Симеона Полоцкого // Slověne = Словѣне. 2018. № 7 (1). С. 115–147.

ния автора о словах *гражданство* и *гражданство* основаны на анализе двух статей из Словаря русского языка XI—XVII вв. Чтобы сказать о связи *гражданства* с греческим *πολιτεία*, было достаточно обратиться к «Старославянскому словарю»⁹.

Концепция «идеального самодержавства» А.И. Остермана анализируется в главе с опорой на архивные материалы. А.С. Лыцова выражает дискуссионное мнение, что Остерману принадлежит идея ограничения всевластия: «В этой логике, например, нельзя было рассматривать Российскую империю как частное владение династии Романовых, где монарх мог распоряжаться как вотчинник. <...> Получалось, что отношения между государственной властью и народом в России строились на публично-правовых основаниях, в основе которых лежал договор между монархом и подданными». Такая интерпретация «не согласуется с концепцией, согласно которой российское самодержавие XVIII в., по формулировке Е.В. Анисимова, имело “право править без права”» (с. 702).

Формирование традиции защиты свободы слова в Британии эпохи Просвещения раскрывается Т.С. Сидоркиной на основе деятельности Юниуса (псевдоним Ф. Фрэнсиса; 1740—1818). Кроме исторического контекста основных сюжетов его публицистики, анализируются клише, используемые властью и журналистом. При всей аргументированности вывода о роли Юниуса в оформлении статуса прессы как «четвертой власти» не вполне понятно, имелись ли в это время другие журналисты, чье мнение было настолько же важно для британского общества.

Завершает главу история становления российской системы воспитания на примере Смольного института (автор Е.Е. Приказчикова). Выявляется отличие новой системы от прежней традиции, рассматриваются польза домашнего и общественного воспитания, наказания, подход к выбору учителей, социальная стратификация, цели образования. Автор считает, что «смолянки Екатерининской эпохи сыграли большую роль в гуманизации нравов общества» (с. 739).

Задача десятой главы («Любовь к отечеству», или Патриотизм) — описать историю конструирования национального прошлого в Британии и России. В.В. Высокова показывает, как в процессе складывания модели идентичности, соотношенной с прошлым Британии, «нация» притягивала к себе мифы и символы, обладающие потенциалом общего прошлого» (с. 749).

С.И. Маловичко освещает дискуссию Г.Ф. Миллера и М.В. Ломоносова как конфликт разных типов отношения к историописанию: научного и публицистического. Ломоносов «полагался не на принцип достоверности, базирующийся на “критике текста”», он исходил из «полезности» любых источников для создания положительного образа прошлого и ради этой цели избегал «хулительства» (с. 775—776). Миллер же использовал научные методы современной ему историографии. Образ Ломоносова-ученого постоянно оказывается в поле внимания историков, филологов, публицистов, когда в обществе актуализируется тема противостояния России и Запада. В зависимости от желания доказать превосходство российской науки или, наоборот, ее вторичность по отношению к европейской традиции Ломоносова характеризуют либо как самородка, подвергавшегося нападкам «иностранных академиков», либо как самоучку, незаслуженно возвысившегося благодаря своему характеру, верноподданническим идеям и склонности к компиляциям. При этом обе характеристики являются идеологически ангажированными.

В монографии описаны различия между российскими и британскими текстами патриотической тематики. В Англии слово «патриот» в значении «земляк», «соотечественник» появилось в конце XVI в. и было связано в первую очередь

9 Старославянский словарь (по рукописям X—XI веков) / Под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М., 1994.

с представлением о главной миссии патриотов — быть «хранителями свободы» (с. 789). В XVIII в. понятие патриотизма приобрело нравственно-этическое содержание, и в ходе формирования единого британского государства возникла дискуссия о «мнимом» и «истинном» патриотизме (автор Т.А. Косых). «Интерпретации патриотизма были неоднозначны и зависели от политической позиции, которую занимал тот или иной интеллектуал» (с. 802).

Для российских же текстов основой являются «патриотические идеалы высшего сословия <...> в духе монархического патриотизма» (с. 804). На этом фоне уникальны идеи инока Дамаскина (Дмитрия Семенова-Руднева), религиозного просветителя, связывающего понятия «патриотизм» и «человеколюбие» и разграничивающего любовь к Отечеству «непросвещенную» и «с благоразумием каждого просвещенного человека согласнейшую» (автор Л.П. Репина).

Сопоставление взглядов Дамаскина и валлийского священника и мыслителя Ричарда Прайса позволяет увидеть, что «космополитизм» Прайса и идея «всеобщего дружелюбия» Дамаскина имеют общую гуманистическую основу. С одной стороны, понятен выбор материала автором раздела: действительно, проповеди Дамаскина иллюстрируют новый подход к теме патриотизма в России (особенно в сравнении с концепцией М.В. Ломоносова). Однако возникает вопрос, как соотносятся идеи Дамаскина с идеями его современников. Ведь раздел называется «Образы патриота в России и Британии XVIII века», следовательно, от него ожидаешь общей информации о том, когда и кто в России обсуждал понятия «патриотизм» и «антипатриотический», но этой информации мы не находим. Между тем в России того периода слова «патриот» и «патриотизм» употреблялись в разных значениях (патриот — человек, любящий не только Отечество, но и, например, свое учреждение). В «Рассуждениях о национальном любочестии» (1785) Д.И. Фонвизин говорит об истинном и ложном патриотизме («антипатриотах»), и неизвестно, есть ли связь между этим фактом и идеями английских интеллектуалов, или же это случайное совпадение с идеями, высказанными в зарубежных дискуссиях.

Завершается монография одиннадцатой главой («Воспитание нравов: пороки и добродетели»). Картина пороков и добродетелей российского общества дается на основе церковных проповедей XVII в., поскольку именно этот жанр предполагал широкий охват адресной аудитории (автор Л.С. Соболева). Анализируются изменения, произошедшие в отношении к богатству и бедности, нищелюбию и милосердию, нищенству как спасению. При Петре I традиционная тема богатства и бедности, основанная на евангельских притчах, приобретает новые аспекты: праведного/неправедного богатства, добровольной/недобровольной нищеты, возможности сочетания богатства/бедности с добродетелью, отрицания благодати нищенства. Наблюдения автора опираются на опубликованные тексты Симеона Полоцкого, Кирилла Транквилиона, Евфимия Чудовского и на менее известный рукописный сборник последней трети XVII в. «Статир», состоящий из 156 проповедей, двадцать из которых посвящены бедности и богатству.

Особое внимание уделяется неизвестным проповедям «Статира» против пьянства, формирующим нормы поведения во время праздников. В празднованиях соединялись христианский смысл (нравственное преобразование) и дохристианские традиции («гулящее» поведение), церковь же стремилась «удержать человека в рамках поиска радости в вере» (с. 849). Л.С. Соболева показывает, что ужесточение правил поведения и «монополизация церковью своих прав» в XVI—XVII вв. получали обоснование в проповедях. Сфокусированность проповедника на описании грехов — свидетельство их распространенности в обществе. Трудно согласиться с мнением, что проявление в проповедях личного начала свойственно именно барочной культуре (с. 850). Личное начало проявлялось в них и до эпохи барокко.

В монографии говорится о необходимости изучать институт брака на основе архивных письменных источников, которые слабо востребованы¹⁰ из-за ложного представления об их каноничности и малой информативности (с. 868). Обращение к ним позволит исследовать историю изменений христианской составляющей брачного института. Неожиданно прозвучала мысль о проявлениях женского начала в браке, о самостоятельности и признаваемой проповедником независимости женщины, о ее активном участии в жизни общества. Традиция мыслить женщину как социально беспомощное существо не соответствует концепции проповедей «Статира».

«Британские» разделы этой главы (автор К.А. Созинова) освещают концепции заключения брака в Англии. Сопоставление церковной и светской традиций позволяет увидеть напряженность спора о том, что является главной целью брака (рождение потомства или поддержка и взаимовыручка). Автор на разнообразном материале исследует различия взглядов англикан, пуритан и католиков.

Несколько затянутым, на наш взгляд, выглядит раздел «Описание чтения как образовательной практики английской леди XVIII века». Представленный тут материал значительно шире, чем предполагает название. Скрупулезная работа с рекомендательными списками произведений позволяет автору прийти к ценным выводам относительно тематических и жанровых предпочтений и ограничений, касающихся круга чтения девушек и молодых людей: серьезные расхождения касались изучения языков, натурфилософии, художественной литературы. Все это интересно не только историкам, но и специалистам по детской литературе и диалектической психологии.

Досадно, что не упомянута Э. Элстоб, первая в Британии женщина-медиевист, своей биографией уничтожающая все стереотипы представлений об «английской леди». Элстоб полемизировала с видными интеллектуалами своего времени: Свифтом, Гилдоном, Брайтлэндом, а также с автором «Трактата о чтении классики и выработке правильного стиля» Г. Фелтоном (1713), была связана с «оксфордскими саксонистами»¹¹, которые также не упомянуты в монографии.

Благодаря дискурсивному подходу к материалу монография дает неожиданный мнемонический эффект: ткань сложных исторических событий, их узор, где-то совпадающий, где-то контрастный, а также философская и фактологическая панорама прекрасно запоминаются даже недостаточно эрудированному в историческом плане читателю. Как мы уже отмечали, параллелизм как принцип подхода к материалу превращается в принцип создания композиции, поэтому даже известные факты воспринимаются в свете истории идей и понятий по-новому.

У каждого автора свой стиль, что делает чтение увлекательным, позволяет почувствовать научный темперамент и уровень «личного присутствия» исследователя, допускаемый различными профессиональными сообществами, увидеть способы обобщения, принятые среди гуманитариев с разной цеховой принадлежностью.

Включенность книги в общенаучный контекст заставляет обратить внимание на применяемые авторами методы исследования.

10 См. редкие исключения: *Самодолова Е.А.* Описание древнерусской свадьбы как первоисточник научных знаний о русском свадебном обряде // *Герменевтика древнерусской литературы*. М., 2005. Вып. 12. С. 797–816; *Martin R.* A bride for the Tsar. Bride-shows and marriage politics in early modern Russia. Illinois, 2012.

11 См.: *Германова Н.Н.* Элизабет Элстоб против Джонатана Свифта: Спор о древних и новых и изучение древнеанглийского языка в Великобритании XVIII века // *Вестник Московского государственного лингвистического университета*. Гуманитарные науки. 2023. № 2. С. 21–27.

В монографии приводятся статистические сведения, что весьма распространено в гуманитарных науках. Однако точность этих данных сомнительна. Так, говорится, что «согласно спискам рекрутов, среди крестьян центральных губерний умели читать 0,6—1,1%» (с. 51). Даже если это правда, неясно, каким образом подмножество «рекруты» соотнесено с подмножеством «крестьяне».

В тексте часто встречаются общие сравнительные характеристики («больше», «меньше», «в основном»), но они не вполне корректны математически. Например, утверждение, что крестьянство являлось «главным <...> источником формирования криминальной среды» (с. 608), достоверно лишь в том случае, если известны отношения между подмножествами *крестьяне/крестьяне-преступники* и *некрестьяне/некрестьяне-преступники*. Да и могла ли другая социальная группа стать «главным источником», если основное население страны — крестьяне? Отсутствие достоверных количественных данных не дает возможности строить предположения и включать в суждения оценочный компонент. Уровень приближенности формулировок типа «в 5—10 раз выше» (с. 52) заставляет считать их образными выражениями, а не статистическими данными.

В свете идеи показать роль интеллектуалов в становлении нового мышления, национально-государственной идентичности и имперского дискурса имело смысл обратиться к теории и истории формирования элит. В монографии упоминаются правящая, аристократическая, национальная, интеллектуальная и другие элиты, но трудно понять, каково было их соотношение. В эпоху перемен принадлежность к элите (любой, включая литературную, научную, военную, промышленную, финансовую) могла быть и опасной, и непостоянной. Кроме того, принадлежность к правящей элите не всегда означала включенность в интеллектуальную. Например, представителем какой элиты являлся А.Д. Меншиков?

В монографии не упомянуты некоторые важные исследования этого периода. В частности, книга Г. Гамбурга, также написанная в русле идей интеллектуальной истории¹². Ученому принадлежат наблюдения, касающиеся политической истории и понятий веры и разума. Он анализирует суждения Феофана Прокоповича в пользу интеграции церкви в государственное управление и прослеживает линии преемственности с начала XVI в. до конца правления Павла I в 1801 г., то есть не считает Петровскую эпоху границей между периодами.

Разделы, посвященные литературе того времени, содержат много замечаний о польско-русских связях, но нет упоминаний работ С.И. Николаева¹³, содержащих богатый материал о связях между русской литературой и книжной культурой Польши.

Не включены в библиографию труды Е.М. Юхименко, которые стоило принять во внимание при описании уровня образования и культуры на Русском Севере, где было сильно влияние старообрядцев (например, Выговской Поморской пустыни)¹⁴. Почти не говорится о Вологде и Великом Новгороде как о культурно-образовательных центрах, что создает некоторую диспропорцию при описании культурного пространства регионов Российской империи.

В монографии отмечено явное возрастание «роли слова и литературно одаренных мастеров, способных генерировать идеи в меняющемся мире» (с. 7). На этом

12 *Hamburg G.M.* Russia's Path toward Enlightenment: Faith, Politics, and Reason, 1500—1810. New Haven, 2016.

13 *Николаев С.И.* Литературная культура Петровской эпохи. СПб., 1996; *Nikolajew S.* Poezja a dyplomacja: Kartka z dziejów działalności translatorskiej Urzędu Poselskiego w Moskwie w XVII wieku. Warszawa, 2003.

14 *Юхименко Е.М.* Выговская старообрядческая пустынь: духовная жизнь и литература: В 2 т. М., 2002.

фоне странным кажется отсутствие обращений к материалам Национального корпуса русского языка (НКРЯ), который включает в себя тексты XVIII в. При поиске семантических пар НКРЯ незаменим, поскольку имеет в своем составе параллельный корпус. Например, по ключевым словам можно найти авторов, пользующихся определенными понятиями, и оценочные суждения, отражающие отношение к этим понятиям в обществе, увидеть разброс сочетаемости изучаемого слова. Не использованы при анализе понятий Словарь русского языка XVIII века и словари, созданные в XVIII в.¹⁵

Наконец, от внимания авторов ускользнула очень важная область: в XVII—XVIII вв. в России и в Британии как самостоятельная наука интенсивно развивается знание о языке, происходит обновление отношения к систематизации сведений о языках и о структуре языка, к преподаванию поэтики, риторики и логики. Названные новые сферы являлись показателями единства процессов освоения новой научной парадигмы. Это особенно важно в связи с тем, что на обе традиции оказала серьезное влияние Грамматика Пор-Рояля (1660), а последствия этого влияния определили и направление поиска различий между языками, и кажущиеся сейчас наивными попытки создать иерархию языков мира, и первые шаги в сфере типологических исследований. Первые опыты кодифицирования и нормирования языка также являются частью сотрудничества интеллектуалов с властью и элементом государственного регламентирования культурной и языковой среды в обеих странах¹⁶. Российские интеллектуалы пытаются определиться с названиями для церковнославянского и других славянских языков и выявить различия между ними, что имеет прямое отношение к проблеме национальной и государственной идентичности.

В это же время происходит разрыв между научным и прикладным отношением к языку. В связи с этим стоило упомянуть Стефана Яворского, братьев Лихудов, Феофана Прокоповича, повлиявших на отношение к публичному слову. Умение публично выступать в XVIII в. играло важную роль для каждого желающего приблизиться к власти и приобрести социальный вес.

В России знали «Лекции по риторике» профессора Эдинбургского университета Х. Блэра, перевод которых вышел всего через восемь лет после англоязычного издания¹⁷, и это тоже отражает общность образовательных дискурсов двух стран, как и известные в обеих странах латиноязычные риторики и грамматики. Необходимо было обратить внимание и на общий для Британии и России интерес к «спору древних и новых», начатый Французской академией наук и имевший про-

15 Словарь русского языка XVIII века / Гл. ред. Ю.С. Сорокин. Л., 1984—; *Поликарпов Ф.* Лексикон трехязычный. М., 1704; *Брюс Я.В.* Книга лексикон, или Собрание речей по алфавиту с российского на голландский язык. СПб., 1717; *Полетика Г.А.* Словарь на шести языках. СПб., 1763; Словарь Академии Российской. СПб., 1789—1794; и др.

16 См.: *Guermanova N.* Prescriptive Grammar and the Rationalist Cultural Model of Standardisation // *Standardising English. Norms and Margins in the History of the English Language* / Ed. by L. Pillière, W. Andrieu, V. Kerfelec, D. Lewis. Cambridge, 2018. P. 43—64; *Германова Н.Н.* История нормирования английского языка. Лингвокультурные основания британской нормативной грамматики. М., 2014; *Она же.* На подступах к типологической классификации языков: Г. Жирар, Н. Бозе, А. Смит // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки.* 2020. Вып. 4. С. 9—20.

17 См.: Опыт риторики, сокращенный большею частию из наставлений доктором Блером в сей науке преподаваемых. С английского языка на российский преложен А.К. и В.С. СПб., 1791; *Blair H.* *Lectures on Rhetoric and Belles Lettres.* Dublin, 1783.

должение в разных странах в связи с региональными литературно-эстетическими особенностями.

В России, как и в Британии, влияние латиноязычной традиции на лингвистическую терминологию сосуществует с изобретением и поиском собственных терминологических эквивалентов. В этот период намечается разрыв между российской и европейской лингвистической терминологией, который будет увеличиваться на протяжении двух последующих веков.

«Лингвистический поворот» в исторической науке действительно произошел, но не привел к использованию методов современной лингвистики. Вспоминая историю формирования нового подхода к историческому источнику, имеет смысл учесть, что эпоха напряженных дискуссий о лингвистическом повороте — 1980—1990 гг.¹⁸ Содержание этих дискуссий соответствовало современному им уровню развития лингвистики и отражало интерес историков к новым для того времени направлениям: лингвистике текста, интерпретационизму, функционализму, теории речевого воздействия и др.

За последние двадцать лет лингвистика шагнула вперед на основе корпусного подхода, совершенствования способов верификации выводов, разработки понятия репрезентативности материала. Как бы ни были прекрасны Покок¹⁹ и Уайт, они были представителями своего времени, когда топовыми в лингвистике были теория речевых актов, семантика, логический анализ языка. Можно было бы признать, что лингвистический поворот — вчерашний день, если бы не возможности, которая дает историкам современная лингвистика. Если же считать лингвистический поворот не фактом истории, а процессом, то, вероятно, стоит заимствовать у лингвистов современные методы анализа языковых единиц, значимых для интерпретации исторических источников.

Интеллектуальная история — научный проект, «по ряду важных параметров заменяющий и продолжающий сегодня семиотику культуры»²⁰. Жизнеспособность этого проекта в контексте разделения филологии на лингвистику и литературоведение будет во многом зависеть от восприимчивости ученых к тому, что происходит в современной лингвистике, которой тоже полезен диалог с историей.

Завершая рецензию, отметим, что книга не только представляет собой глубокое научное исследование эпохи перемен, но и заключает в себе идею бессмысленности публицистических дискуссий про «у нас» и «у них». Она интересна и специалистом, и любому читателю, желающему разобраться в том, как в «культуре духа» и «культуре разума» воплощаются национальные и региональные особенности, общее и индивидуальное.

18 См.: *Chartier R. Text, Symbols and Frenchness // Journal of Modern History. 1985. № 57. P. 682—695; Cohen S. The Linguistic Turn: The Absent Text of Educational Historiography // American Studies in Education. 1991. № 2. P. 237—248; Eley G. De l'histoire sociale au "tournant linguistique" dans l'historiographie anglo-américaine des années 1980 // Genèses. Sciences Sociales et histoire. 1992. № 7. P. 163—193, etc.*

19 См.: *Павлов А. Приключения метода: Кембриджская школа (политической мысли) в контекстах // Логос. 2018. № 4. С. 261—302.*

20 *Зенкин С. Семиотика культуры и интеллектуальная история // Новое литературное обозрение. 2022. № 6. С. 276.*